

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Научная статья

УДК 159.9

DOI: 10.20323/1813-145X-2025-5-146-150

EDN: IUUNWC

Принципы отечественной психологии: pro et contra. Часть 2

Владимир Алексеевич Толочек

Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института психологии РАН.

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, к. 1

tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Аннотация. Цель исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ и научно-практических работ в современных организациях. Предмет исследования: методологический статус и практика использования принципов в современной отечественной психологии. В ходе исследования был проведен анализ научной литературы, рефлексия опыта научной и практической работы в разных сферах профессиональной деятельности. Выдвинуты гипотезы: во-первых, общенаучные принципы, транслируемые из других научных дисциплин, ограниченно отражают сущностные свойства психического; во-вторых, вследствие эволюции социальных объектов и научных дисциплин содержательное наполнение принципов должно регулярно подвергаться методологической рефлексии и корректироваться.

Утверждается, что в принципах психологии проявляются «две стороны медали»: с одной стороны, они регулируют направление поиска и выделяют критерии научности, с другой – ограничивают «горизонт видения» научных проблем. Прилежное следование принципам, сформулированным в дисциплине более полвека назад, ограничивает исследователя, побуждает его к упрощенному видению объекта и выделяемому им предмета исследования, провоцирует на получение самоочевидных результатов. Особый класс представляют полевые исследования – научно-исследовательская и научно-практическая работа психолога в пространстве организаций, требующая привлечения ее сотрудников в их рабочее и/или личное время как представителей своих социальных групп для решения задач, для них не актуальных и/или малозначимых; это те ситуации в науке, когда первенство должно принадлежать «методологии снизу», когда полевые исследователи пошагово выделяют и описывают все встречаемые ими проблемные «узлы», содержательные и методологические; радикальные перестройки основ дисциплинарного знания могут и должны свершать философы-методологи.

Ключевые слова: психология; эволюция; методология; принципы; подходы; методы; типы рациональности; схемы исследования

Исследование выполнено согласно Государственному заданию Минобрнауки РФ № 0138-2024-0017: «Профессиональная деятельность и развитие личности человека в условиях организационных и техногенных изменений».

Для цитирования: Толочек В. А. Принципы отечественной психологии: pro et contra. Часть 2 // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 5 (146). С. 150–162. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-150>. <https://elibrary.ru/IUUNWC>

GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY HISTORY

Original article

Principles of russian psychology: pro et contra. Part 2

Vladimir A. Tolochek

Doctor of psychological sciences, professor, chief researcher, Institute of psychology, Russian academy of sciences.
129366, Moscow, Yaroslavskaia st., 13, building 1
tolochekva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1378-4425>

Abstract. The aim of the study is a historical and theoretical analysis of the methodological, methodical and organizational aspects of conducting research and development (R&D) and scientific and practical work (SPR) in modern organizations. Subject of the study is a methodological status and practice of using principles in modern domestic psychology. Methods are analysis of scientific literature, reflection of the experience of scientific and practical work in various areas of professional activity. Hypotheses are 1. General scientific principles transmitted from other scientific disciplines, partially reflect the essential properties of the psyche. 2. Due to the evolution of social objects and scientific disciplines, the substantive content of the principles should be regularly subjected to methodological reflection and adjustment.

It is argued that the principles of psychology reveal «two sides of the coin»: on the one hand, they regulate the direction of the search and highlight the criteria of scientificity, on the other hand, they limit the «horizon of vision» of scientific problems. Diligent adherence to the principles formulated in the discipline more than half a century ago limits the researcher, encourages him to a simplified vision of the object and the subject of research identified by him, provokes and orients him to obtain self-evident results. Field research represents a special class – scientific research and scientific-practical work of a psychologist in the space of organizations, requiring the involvement of its employees in their working and / or personal time, their involvement as representatives of their social groups to solve problems that are not relevant and / or insignificant for them; «these are the situations in science when primacy should belong to the methodology from below». The methodology «from below» should be incremental, when field researchers identify and describe step by step all the problematic «nodes» they encounter, both substantive and methodological; radical restructuring of the foundations of disciplinary knowledge can and should be accomplished by philosophers-methodologists.

Key words: psychology; evolution; methodology; principles; approaches; methods; types of rationality; research schemes

The study was carried out in accordance with the State Assignment of the Ministry of Education and Science, the Russian Federation № 0138-2024-0017: «Professional activity and development of the human personality in the context of organizational and technogenic changes».

For citation: Tolochek V. A. Principles of Russian psychology: pro et contra. Part 2. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2025; (5): 150-162. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2025-5-146-150>. <https://elibrary.ru/IUUNWC>

Введение

В каждом развитом языке используется ограниченное число фонемных комбинаций, которые достаточно верно представлены ограниченным набором знаков – алфавитом, необходимым для построения слов. Синтаксис определяет ограниченное число правил организации слов в предложения. Принципы научной дисциплины – то же, что и алфавит для языка, методология – то же, что и синтаксис. Только как целое они позволяют формулировать правила проведения научного исследования и передавать от одного к другому лучшие образцы. Но и каждый алфа-

вит и языковые правила нуждаются в рефлексии и регуляции со стороны их пользователей.

Продолжая аналогию заметим, что одни и те же фрагменты физической, биологической, частью социальной действительности в разных знаковых системах отображаются разными наборами фонем и строем фраз; часть объектов социальной действительности не может адекватно отражаться, вследствие ограниченности и особенностей той или иной знаковой системы. Сфера нашей деятельности – проявления психического как фрагментов социальной действительности. Следовательно, вопросы состояния нашего «алфавита» и «синтаксиса» есть принци-

альные вопросы самой возможности адекватно отражать и описывать нашу социальную действительность

Принципы научной дисциплины – алфавит языка науки. И если со временем изменяется речь как живая разговорная практика, то должны вноситься изменения в язык – систему знаков и правил их использования. И первое, и второе подлежат управлению со стороны синтаксиса (правил согласования слов и словосочетаний); в науке – это сфера действия методологии. Очевидно, что алфавит сначала следует за речью и что он позже удерживает ее в оптимальных «границах» и периодически должен согласовываться с ее изменениями, а первое и второе – согласовываться с «правилами», изменяться по возможности «правильно». Но поскольку «все течет, все изменяется» (Гераклит), изменения и складывающиеся тенденции должны подлежать осмыслению и обсуждаться.

Сама организация дисциплинарного знания предполагает строгий порядок; им она порождалась и поддерживалась; классический тип рациональности, главенствующий до середины XX в., строился на этом строгом порядке, он его поддерживал, им же оценивался как соответствие или несоответствие канонам научности каждого фрагмента полученного знания. Расцвет многих научных дисциплин к началу XX в. есть прямое следствие утверждения классической рациональности, равно как и перманентный методологический кризис с конца минувшего столетия [Вернадский, 1989; Грант, 1980; Карпинская, 1995; Мамардашвили, 2010; Степин, 2000; др.].

Цель исследования: историко-теоретический анализ методологических, методических и организационных аспектов проведения научно-исследовательских работ (НИР) и научно-практических работ (НПР) в современных организациях. *Предмет* исследования: методологический статус и практика использования принципов в современной отечественной психологии. *Методы*: анализ научной литературы, рефлексия опыта научной и практической работы в разных сферах профессиональной деятельности. *Гипотезы*: 1. Общенаучные принципы, транслируемые из других научных дисциплин, ограниченно отражают сущностные свойства психического. 2. Вследствие эволюции социальных объектов и научных дисциплин, содержательное наполнение принципов должно регулярно подвергаться методологической рефлексии и корректироваться.

Результаты исследования

1. Простые схемы НИР как следствия общепризнанной «нормы»

Более полустолетия устоявшейся научной «нормой» являются циклы НИР, в которых анализируются связи между парой «переменных» или двумя группами «переменных» – отдельными свойствами нервной системы и стилем деятельности, стилем руководства и отдельными свойствами личности, «выгоранием» и возрастом (стажем работы или мотивацией), мотивацией и утомлением, добросовестностью и самосознанием, возрастом и/или полом ребенка и отдельными когнитивными функциями, когда уже после одного-двух таких НИР априори все вероятные результаты надежно прогнозируемы. В диссертациях на соискание ученой степени мы найдем раздел «теоретико-методологический анализ» и обстоятельные описания методологических принципов и прототипов исследований, освещенных именами наших ведущих ученых. Другими словами, квалификационная «планка» в нашей дисциплине явно не высока. Проблему противоречивости эмпирических данных нередко объясняют ограничениями старых методик (например, с начала 2000-х годов считается, что тест-опросник 16 PF Р. Б. Кеттелла безнадежно устарел, тогда как «Большая пятерка» видится безупречной), что оправдывает неограниченный рост разработок новых и новых методик. Типичная ограниченная содержательная интерпретация общенаучных принципов провоцирует психологов к использованию простых схем исследования, ориентированных на выявление отдельных связей между немногими «переменными» (возрастом и когнитивным развитием школьников, утомлением и мотивацией труда взрослых, стилем деятельности и успешностью субъекта и т. п.), то есть такой постановке научных задач, результаты которых можно надежно прогнозировать априори.

Если использовать символы формальной логики, то дизайн многих НИР выглядит незамысловато: «В качестве иллюстрации приведем типичные формы гипотез: 1) Объект **A** обладает свойствами **a** (иначе: **a** принадлежит **A**, или $a \in A$). 2) Объект **A** отличен от **B**; некоторые свойства двух объектов различаются – **a** отличны от свойств **b** ($A \neq B$, $a \neq b$). 3) В процессе роста (развития) объекта **A** его свойства **a1**, **a2**, **a3** изменяются (иначе: $A1 \neq A2 \neq A3$, соответственно, $a1 \neq a2 \neq a3$). Приведем и типичные образцы постановки научной проблемы. Объект **A1**

изучали ученые В и С; первый показал, что **A1** характеризуется свойством **в**, второй ученый – свойством **с**. Мы изучали **A1**. Подтверждено, что **A1** обладает свойствами **в** и **с** (**в, с** $\in$ **A**). Объект **A2** изучали ученые В, С, D, E. Они выделили свойства **в, с, d, e**. Мы изучали **A2**. Подтверждено, что **A2** обладает свойствами **в, с, d, e** (**в, с, d, e** $\in$ **A**). При использовании простых схем исходные положения содержат лишь ранее выявленные перечни признаков объекта; в таких НИР следствия и выводы часто самоочевидны. Но и при такой самоочевидности выводов ни совпадение результатов независимых исследований, ни различия выводов почти ничего не добавляют в актив дисциплины и ничего не отрицают, границ адекватности научных концепций не устанавливают, верификацию чужих и фальсификацию (по К. Попперу) своих концепций не проводят» [Толочек, 2021, с. 76].

Понятно, что за упрощенной формой гипотез следуют типовые дизайны НИР. Как правило, выделяются лишь две группы обследуемых, различающихся по одному-двум признакам (например, учащие 4 и 5 класса, 6 и 7-го; мальчики и девочки; в организации ветераны и новички, на предприятии – успешные и неуспешные, мастера и ординарные работники, руководители и специалисты и т. п.). Понятно, что подобная форма гипотез не способствует изучению психического как целого. Прилежное следование простым общенаучным принципам, сформулированным в нашей дисциплине более полвека назад, уже изначально ограничивает психологов и побуждает их к упрощенному видению объекта и выделяемому ими предмету исследования, провоцирует и ориентирует на получение самоочевидных результатов. Высокий статус метода исследования в логике классической рациональности как бы уже выступает «гарантом» научности НИР и добротности полученных данных.

2. Сложные схемы НИР в полевых исследованиях как следствия «барьеров»

Прецедентом, побудившим к переосмыслению многих методических и методологических постулатов отечественной психологии, для автора стал скрытый саботаж психодиагностики на нескольких заводах в начале 2000-х годов. Примечательным было следующее: инициаторами этих НИР выступали первые руководители предприятия; руководителем ВТК был их старый друг, программа НИР была заблаговременно согласована. «Стартовые» условия обещали спокойную типовую работу, но этого не случилось.

Сразу же появились препятствия, нарушения наших планов; причем динамика уклонений сотрудников от диагностики на всех заводах была сходной, динамика саботажа находилась в зависимости от социально-демографических и служебно-должностных характеристик респондентов. Приведем наше описание этой *ситуации*: «Генеральные директора 4-х промышленных предприятий одного из регионов РФ проявили заинтересованность в изучении “*факторов повышения производительности труда*”. Были составлены списки сотрудников (руководителей среднего и низового звена управления, инженеров), подлежащих психодиагностике. Предполагалось изучение их личностных особенностей, особенностей стиля делового общения, распределения функций управления “по вертикали” и др. Не ожидаемым для нас оказалось следующее: 1) Психологов не допустили к прямому взаимодействию с обследуемыми. 2) Администрацией был предложен вариант онлайн-диагностики при посредничестве со стороны работников отдела кадров. 3) Диагностика, согласно договоренности, проводилась трижды в продолжение 1,5 лет. 4) Первый раз в психодиагностике приняли участие около 80 % от заявленного списка сотрудников, второй – порядка 65 %, третий – около 50 %. 5) Имело место некоторое смещение данных, полученных в первом, втором и третьем обследовании. 6) Имело место смещение социально-демографических характеристик сотрудников, полученных в первом, втором и третьем обследовании. 7) Последовательное смещение проявлялось как: большая представленность в выборках женщин, а также лиц старшего возраста, занимающих более низкие должностные позиции, с медленным карьерным продвижением, более продолжительное время работающих на предприятии (то есть, более лояльными оказывались представители одних социальных групп, менее – других). 8) На всех четырех предприятиях ситуации проведения НИР повторялись и усугублялись. При этом сотрудники отделов кадров доброжелательно проводили нас по цехам, показывали ключевые участки технологии работ, объясняли, отвечали на наши вопросы, позволяли переговаривать с сотрудниками на их рабочих местах. То есть, нам можно было смотреть и спрашивать, задавать прямые вопросы и получать ответы, видеть и фиксировать все, представляющееся потенциально важным» [Толочек, 2021, с. 78–79].

Основными выводами нового опыта работы (которому предшествовало множество других, сходных по существу, но долгое время воспринимаемых автором как отдельные «артефакты») стало переосмысление феномена «субъект». В настоящее время под *субъектом* должен пониматься уже не только лишь один из наших научных концептов, но *субъектом* выступает каждый наш обследуемый, время и внимание которого мы требуем для решения наших задач. Этот очевидный факт требует выработки новых работающих схем НИР и ННР и самого переосмысления принципов отечественной психологии.

В отношении оптимального дизайна НИР и ННР, позволяющего получить должные результаты тогда, когда решались задачи заказчика «повышения производительности труда», виделась *сложная схема системы уравнений, включающей результаты разных методов исследования* (наблюдения и изучения литературных источников, психодиагностики, структурного интервью). *Первую группу* «вычислений можно представить как сопоставление (вычитание) из литературных описаний должного состава социальных объектов (в нашем случае – организации, профессии, специализации, рабочего места) наблюдаемого их состава на данном предприятии. Соответственно, эти расхождения «должного» – *идеального эмпирического объекта* (ИЭО) и действительного – *реального эмпирического объекта* (РЭО) можно представить так: $y_1 = f(\text{ИЭО} - \text{РЭО})$, где y_1 – зависимая переменная; ИЭО – РЭО – различия между характеристиками идеальных эмпирических объектов и реальных (то есть между тем, что должно быть для полноценного функционирования социального объекта и тем, что представлено в реальном объекте «здесь и теперь»).

«Вторую группу вычислений могут представить уравнения множественной регрессии (одни группы эмпирики мы получили, их изменения в разных группах обследуемых были получены при трех последовательных измерениях и проявились как тенденции; причинно-следственные отношения между изменениями социальных объектов можно формализовать и довольно точно рассчитать как «срезы» – как динамику изменений, как отражение отношения сотрудников к администрации, к работе, к коллегам, к психологам по формуле типа: $y_2 = f(x_1, x_2, x_p)$, где

y_2 – зависимая переменная (результативный признак); x_1, x_2, x_p – независимые переменные (факторы; результаты, полученные в первой выборке, второй и др., или – при первом, втором и последующих обследованиях). Третью группу вычислений можно представить как обобщение данных опросов (организованного по типу структурного интервью с закрытыми вопросами (да/нет): $y_3 = \sum (A \in a \vee b + B \in c \vee d + C \in e \vee f + \dots + Z \in n \vee m)$, где y_3 – сумма «положительных» ответов на закрытые вопросы: а или в, с или d, е или f и др.». [Толочек, 2021, с. 79-80].

В развитии темы сложных схем НИР и ННР там же приводились и другие примеры (из сферы спорта высших достижений). Важным был вывод о том, что более образованному и когнитивно сложному обследуемому – нашему современнику, не всегда лояльному по отношению к предложенной ему психодиагностике, мы должны предложить и более сложные схемы НИР и ННР, а также быть готовыми к переосмыслению многих наших постулатов. Признание человека «активным субъектом своей жизнедеятельности» (по К. А. Абульхановой-Славской) не должно ограничиваться признанием одного лишь этого концепта, но и каждого человека, с кем мы вступаем во взаимодействия. Это и более конструктивно, и честнее, когда мы просим другого человека подарить нам несколько часов своей жизни для решения наших научных задач, часто не давая ему ничего взамен, кроме тревожных ожиданий, какие решения руководителей последуют после нашего «тестирования».

3. Принципы психологии: их содержание настоящее и возможное.

Спонтанные тенденции в психологии на рубеже второго и третьего тысячелетий – расширение числа изучаемых явлений, не имеющих однозначного содержания и согласованных определений, не вмещающихся в «прокрустово ложе» четырех принципов, выделенных в первой части (детерминизма, развития, системности, единства сознания и деятельности [Толочек, 2025a]) – *мягкие навыки, сети, ресурсы, потенциал, поле, ситуации, качество жизни* и т. п. Так, например, к мягким навыкам, гибким навыкам («soft skills») относятся универсальные качества, сравнительно мало зависимые от культурных и языковых особенностей – эмоциональный интеллект, коммуникабельность, вовлеченность в собеседника, организаторские способности, умение работать в команде, умение вести переговоры, умение разрешать конфликты, гибкость ума, креатив-

ность, творческий подход к задачам, аналитическое мышление, личная эффективность (тайм-менеджмент, самомотивация и др.). Этим навыкам специально не обучают, они выступают, скорее, как имплицитное знание, как «личное знание» по М. Полани. Примечательно, что эти навыки-качества-способности нередко описываются посредством двух-трех понятий, ранее утвердившихся в академической психологии как отдельные проявления психического. Другими словами, они – «soft skills», – не одномерны, а, вероятно, многослойные, многоуровневые, имеющие гибкие ментальные структуры.

Для сравнения, более продолжительно и последовательно изучаемые в психологии навыки и умения (в данном сопоставлении «жесткие навыки», «hard skills» – управление автомобилем, умение работать телеграфным ключом, печатать на машинке 10-ю пальцами, знание иностранного языка, азбуки Морзе и т. п.) специально формируются последовательно, поэтапно, характеризуются разными уровнями владения, имеют выраженный эффект «плато» в процессе их становления. Образно, различие между «hard skills» и «soft skills» есть различие двух смыслов мастерства: мастерство как надежное владение «техникой» деятельности и мастерство как «высший пилотаж». В обращении внимания психологов на мягкие навыки видится явно выраженный тренд перехода ученых к новому мышлению.

К таким же, сравнительно слабо изученным, как и «soft skills», но все чаще используемым в психологии, можно отнести феномен и понятие «ситуация», заявляющие о себе в разных научных традициях, в отношении разных задач. Так, например, «форма единства человека и среды описывается в терминах “ситуация” (Д. Магнуссон), “жизненное пространство” (К. Левин) или “мир” (С. Л. Рубинштейн). *Объект-ситуация* или объект-мир ... выражает способ объединения разноплановых сил в некоторое целое, в котором цементирующая роль и инициатива принадлежит субъекту. ... субъект конструирует свое бытие, одновременно подчиняясь ему. *Объект-ситуация* или объект-мир становится главной альтернативой объекту-вещи. ... В отличие от объекта-вещи объект-мир не дается заранее и до завершения ... акта остается неопределенным» [Барабанщиков, 2012, с. 23]; (здесь и далее курсив автора статьи). «Если к этим весомым констатациям добавить несколько уточнений: в подавляющем большинстве актов в системе “человек-мир” участвует не один един-

ственный, изолированный от мира субъект, а несколько; это *процессы актуального взаимодействия людей*; процессы взаимодействия людей происходят в уже организованном или активно организуемом социальном пространстве; *взаимодействия разных людей иницируются разными мотивами, ценностями, смыслами*, воплощаемыми в конкретных целях, то должно признать, что в этих процессах ключевая роль и инициатива принадлежит отнюдь не одному субъекту, а всем, многим или нескольким субъектам, далеко не всегда содействующим достижению целей другого...» [Толочек, 2021, с. 81].

Повторим, актуальность и сложность проблемы полевых исследований отчасти маскируется широкой представленностью НИР, проводимых в учебных группах, где психолог как преподаватель имеет некоторый административный ресурс, фактор старшинства по возрасту, должности, званию, где обследуемые – ученики, студенты, слушатели, – по разным причинам более мотивированы и прилежны в выполнении предложенных каждому из них заданий. *Полевые исследования* мы определяем как *научно-исследовательскую и научно-практическую работу психолога в пространстве организаций, требующей привлечения ее сотрудников в их рабочее и/или личное время, их привлечения как представителей своих социальных групп для решения задач, для них не актуальных и/или мало-значимых*.

Для примера обсуждаемых различий приведем континуум ситуаций исследования, от наибольших к наименьшим возможностям контроля условий диагностики психологом: *экспериментальные исследования, естественные эксперименты, пилотажные исследования, типовая психодиагностика, полевые исследования*. Последний класс задач наиболее сложный во всех отношениях. Другим примером континуума ситуаций исследования могут служить разные научные подходы: *дисциплинарный подход – проблемный – комплексный – системный подход*. Последний – наиболее сложный и требует развернутой рефлексии и разумного самоограничения: «учитывая ограниченные возможности одного исследователя (исследовательского коллектива), в конкретных работах системный подход может быть ограничен (а в большинстве случаев и должен) каким-либо одним направлением, но при обязательном определении той системы, которая изучается. ... Необходимость точного определения системы ставит вопрос о критериях,

по которым данную систему можно выделить из окружающей среды. Основным критерием для такого выделения является рассмотрение системы со стороны *целевого назначения*» [Шадриков, 1982, с. 9].

4. Принципы отечественной психологии: критический анализ

Рассмотрим наши принципы. В отношении принципа *детерминизма* еще раз отметим, что он заимствован из естественных наук, что его название не соответствует основным типам связей, характеризующих функционирование и развитие психического; оно не соответствует и типовым методам нашей работы в настоящее время (анкеты, тест-опросники, аппарат параметрической статистики и др.). Детерминированные причинно-следственные отношения в зарождении и проявлении психического должны проявляться сходно у разных людей в разных ситуациях, у одного человека в разном возрасте. Если такие отношения причина-следствие и есть, то они составляют их меньшую часть. Чаще мы можем констатировать лишь отдельные диффузные связи между *анализируемыми «переменными»* в ограниченном интервале их условных измерений, проводимых в разных группах людей как *многоуровневые воздействия*, как *вероятностные*, как *взаимодействия внешних и внутренних условий субъекта*, как группы «переменных». Согласно же принципу *детерминизма*, полученные результаты НИР трактуются как однозначно проявленное, как свершившееся, но не как возможное во множестве его проявлений, лишь в данном контексте пространства-времени, полученное посредством избранного нами ограниченного инструментария. Эти важные отношения крайне неудачно были названы детерминизмом. Показательно также, что ученые, последовательно и продуктивно изучающие свой предмет – А. В. Карпов, М. А. Холодная, В. Д. Шадриков и др., нередко изобретают свои особенные алгоритмы статистического анализа и выявления особенностей функционирования и эволюции психических явлений; то есть целенаправленно «вплетают» в сети своих концепций весь методический инструментарий, включая и методы статистического анализа.

Четкая логика различения трех уровней отношений человека и внешнего окружения – *условия, факторы, детерминанты* [Ломов, 1999], – конструктивна для начала изучения явлений, но отражает лишь статику отношений человека и фрагментов окружающего мира. Поэтому в про-

цессе проведения конкретных НИР изучаемые связи и отношения, механизмы возможных преобразований условий в факторы должны получать должное развитие как динамические изменения. Если исходить из характерных для настоящего этапа развития психологии, принцип *детерминизма* точнее было бы называть несколько иначе, например, принцип *избирательных взаимодействий фрагментов действительности* (социальной действительности). В предложенном названии акцентируется несколько важных «моментов»: это чаще или даже всегда именно взаимодействия групп условий, иначе – социальных объектов, их свойств и отношений, часто или всегда поддерживаемые посредством нескольких механизмов (сравнительно сложных, согласованных или конкурирующих, действующих непосредственно и опосредованно, имеющих быстрые и прямые эффекты или отставленные по времени); это чаще или даже всегда взаимодействия, имеющие свою предысторию и пост-историю, то есть разную темпоральную метрику. Другими словами, выявление строгих законов, в которые могут быть «свернуты» множества частных закономерностей становления и проявления психического, законов, верно объясняющих все психические процессы как идентично протекающие у разных людей, у одного человека в разном возрасте, в разных обстоятельствах, есть задача довольно отдаленного будущего. Поэтому в настоящее время более адекватным видится приведенное выше название – принцип *избирательных взаимодействий фрагментов действительности*.

Принцип *развития*, с конца XIX в. транслируемый на другие дисциплины из биологии, на протяжении всего XX в. еще строго следующий постулату Фр. Реди («все живое из живого»), неизбежно задавал некоторые ограничения, предписывал ученым определенный интервал «горизонта видения» изменений явлений, процессов, свойств, объектов. Следование принципу *развития* изначально накладывает парадигмальные ограничения на постановку задачи и дизайн НИР: рабочие гипотезы требовали подтверждения «одного из двух»: $A > B$ или $A < B$. Соответственно, формировались группы обследуемых (лиц разного возраста, пола, опыта, квалификации, успешности и пр.). Следование принципу развития исходно ориентирует исследователя на изучение и измерение ограниченного интервала пространства-времени

изменений процессов, свойств, объектов от одной заданной «точки» (А) до другой (В), но не побуждает к постановке вопросов — что было до «А» и что будет после «В»; изменения между «А» и «В» чаще мыслятся как монотонные, последовательные и будут такими же между «В» и «С» и т. д. В настоящей формулировке принцип развития позволяет получать ответы на первую часть вопросов — «Что?» и «Как?» (по Н. А. Бернштейну), но не побуждает к постановке вопросов «Почему?», «Зачем?». В плане возможного усиления потенциала эвристики рассматриваемого постулата более адекватным видится его название как принцип эволюции. Понятно, что этот вопрос остается открытым для дискуссии.

Принцип *единства сознания и деятельности* требует отдельного обсуждения. Здесь лишь отметим, что в этом принципе соединены, сплетены, сплавлены эффекты разных взаимодействий человека с миром в разные стадии его становления как человека. В плане дальнейшей разработки этого принципа видится необходимость спецификации эффектов взаимодействия живого со средой — физической, социальной, социально-психологической — в филогенезе, становления человека и человеческих сообществ в антропогенезе, особенностей условий онтогенеза и субъектогенеза, эффектов диалектики взаимовлияния процессов социализации и индивидуализации личности. В одном масштабе времени (сотни тысяч лет) — это *деятельность* человека как процессы формирования функциональных связей в системе «кисть — рука — функциональная асимметрия — психическое (мышление, речь и др.)», в другом (годы и месяцы) — воспитание и обучение ребенка в заданных уникальных условиях социального окружения. Во всяком случае, речь должна идти не об единстве разных физических и ментальных явлений и процессов, а скорее, о коэволюции становления человека и его деятельности, погруженной в конкретную историческую эпоху.

Обратим внимание, что рассматриваемые выше три принципа отечественной психологии формулировались в логике классического типа рациональности [Мамардашвили, 2010; Степин, 2000], в эпоху социализма и развитого социализма, то есть представлений людей о сравнительно стабильном мире и обществе, в частности — о плановой экономике, оптимистичных перспективах развития страны, с одной стороны, с другой — жесткого идеологического контроля и дав-

ления. Важно и то, что эти принципы утверждались и как форма противостояния «эклектике» и выраженному прагматизму зарубежных дисциплинарных подходов, как своеобразная научная оппозиция, что не могло не сказаться на мере радикальности наших постулатов, что было просто неизбежно. Важно и то, что многие вопросы психологии как науки в продолжение XX в. разрабатывались в парадигме индивидуальной деятельности. Следовательно, накоплено достаточно оснований для переосмысления данного принципа, его явных и латентных составляющих, целесообразности его переинтерпретации.

Первоначально принцип *системности* в нашей психологии выступал как прямая трансляция на психическое общих положений и понятийного аппарата ОТС (общей теории систем). Этому постулату «повезло» больше других. Пожалуй, наиболее развиваемым и разносторонне разрабатываемым в последние десятилетия был и остается принцип *системности*. Но, в отличие от других, он не просто лишь дополняется и улучшается, а критически анализируется и обсуждается. Еще раз обратимся к одной из последних работ А. В. Карпова: «реализация принципа системности по отношению к психологической проблематике является весьма перспективной, а в целом ряде случаев — настоятельно необходимой ... Вместе с тем, он нередко уже не приводит к ощутимым результатам — таким, которые соответствовали бы его масштабу и уровню обобщенности. ... трудности и проблемы его реализации связаны не только... и не столько с недостатками ... с ошибками применения системного подхода, сколько с собственными ограничениями самого системного подхода (точнее — его традиционных и ставших классическими и каноническими его вариантов). ... эти причины обусловлены тем, что системный подход — в его современном виде ... не является чем-то полностью сформировавшимся и окончательно развившимся. Поэтому наиболее конструктивной является его трактовка как развивающегося принципа, подхода. ... многие недостатки, проявившиеся в ходе его реализации, должны быть поняты не как порожденные его атрибутивными ограничениями, а как обусловленные недостаточным уровнем его собственного развития. ... возможно, сам *системный подход* (в том виде, в котором он представлен сегодня) не только может, но и *должен быть подвергнут дальнейшему развитию и совершенствованию*» [Карпов, 2024, с. 5]; «системный подход, несмотря...

на свою очень высокую степень обобщенности, также должен быть рассмотрен как одна из возможных «призм видения» [Карпов, 2024, с. 6].

В своем авторском метасистемном подходе А. В. Карпов различает пять уровней функционирования системности как целостности (метасистемы, системы, подсистемы, компоненты, элементы), и пожалуй, самое важное – ученый рассматривает процессы эволюции систем, в которых их высшие уровни появляются, функционируют и развиваются как «встроенные системы» [Карпов, 2015; др.]. В трактовке подхода как метасистемного значительно расширяется «горизонт видения» целостной организации психического при новой интерпретации его «горизонтального» и «вертикального» развития в системе.

Сильными версиями реализации системного подхода являются работы Н. Лумана, который разносторонне рассматривает проявления сходства механизмов образования целостности от простейших социальных ситуаций – коммуникация двух человек, – до структур эволюции больших человеческих сообществ как подчиненных единым закономерностям, описываемым и объясняемым едиными рабочими понятиями [Луман, 2006]. Одним из ключевых понятий теории Н. Лумана выступает понятие *самореференции* – самоконтроля и самоуправления системой самой себя.

Сильными версиями реализации системного подхода является концепция У. Муторны-Ф. Варелы, введивших понятие «*аутопоэзной организации*», проявляющейся в эволюции и функционировании биологических объектов. Согласно их теории, живые существа обладают способностью к самовоспроизводству, самосозданию. Живое проявляется как сети, создающие свои собственные компоненты, которые через свои же интеракции генерируют, восстанавливают, воссоздают свои сети, создают новые компоненты. *Аутопоэзис* (от греч. «самопроизводство») есть минимальная «необходимая и достаточная» форма автономии биологической жизни, сохраняющей и продолжающей себя в окружающей среде через периодические акты и цепочки взаимодействия со средой. Среда инициирует изменения биологической системы, но не управляет ими, не определяет их треки, тогда как в самой системе постоянно формируются цепочки необходимых для ее жизни трансформаций [Maturana, 1980; др.]. В концепции У. Муторны-Ф. Варелы можно различить постулат «*все живое из живого*», заявленный Франческо Реди

в XVII в., но осмысленный с принципиальным отличием — концепция аутопоэзиса побуждает к размышлению о начале эволюции системы и актах ее завершения, о механизмах ее взаимодействия с окружением.

Как версию системного подхода можно рассматривать комплексные эволюционно-системные описания феномена – психологического объекта как системы его нескольких измерений. Так, на примере изучения феномена способности (одаренность, талант, гениальность) можно выделить четыре его измерения. В первом «горизонтальная» эволюция феномена представлена как континуум проявлений: Задатки → Способности → Специальные способности → Профессиональные способности →...; во втором – «вертикальная» эволюция представлена преобразованиями: Задатки → Способности → Одаренность → Талант → Гениальность; третье измерение – «онтогенетическая» («возрастная», «продольная») – возрастными изменениями человека как личности и как субъекта, структурными трансформациями его способностей в процессах приобретения социального опыта, овладения новыми профессиональными функциями и социальными ролями; четвертое – «самореференция» – есть мера представленности психологической системы как целостности «внешнему наблюдателю» и «внутреннему наблюдателю», самой себе [Толочек, 2024а; 2024б].

Хороший образец научного подхода – по форме и содержанию, – представлен в одной из последних крупных работ А. А. Карпова. В освещении столь сложной проблемы (зарождение психического), в использовании развитой версии метасистемного подхода автор выдерживает строгую корректность в интерпретации огромных массивов литературных материалов и собственных эмпирических данных; постоянно разделяет описания феномена и авторское объяснение (иначе – явление и схемы, концепции); корректно оперирует огромным понятийным аппаратом и выделяет его «вариации». Представим несколько фрагментов книги: «представления о существовании систем со встроенным метасистемным уровнем уже были успешно реализованы по отношению к целому ряду важных психологических проблем и направлений» [Карпов, 2023, с. 73]. «Метасистемный уровень при этом понимается, во-первых, как локализованный внутри самой системы и, во-вторых, как находящийся на вершине ее структурно-уровневой иерархии. Такой подход позволяет преодолеть

одну из наиболее принципиальных трудностей современной теории систем в целом, обозначаемой как “парадокс высшего уровня системы”. Его суть заключается в следующем. С одной стороны, высший уровень в иерархической организации любой системы, находясь внутри нее, но не исчерпывает ее содержание (по определению) и является тем самым частью этой системы. Это – важнейшая, решающая, доминирующая и пр., но все же именно часть системы. Она осуществляет координирующие, организующие и управляющие функции по отношению к остальным частям системы. С другой стороны, любая система (в особенности – сложная) может быть эффективно организована лишь в том случае, если ее “координирующий и управляющий” центр имеет в качестве объекта своего управления не какую-либо часть системы, а всю ее, все ее содержание – в том числе, разумеется, и все уровни, включая и высший» [Карпов, 2023, с. 75]. «Каждый последующий (в эволюционном плане) и, соответственно, высший по отношению к предыдущему уровень формируется в результате развития и совершенствования предыдущего уровня – как итог и “следствие” развития и организации тех особенностей и того потенциала, который складывается в рамках предыдущего (нижележащего) уровня. Помимо этого, имеет место формирование по типу “сверху-вниз”, заключающееся в том, что с возникновением нового уровня организации в той или иной системе, как правило, возникают новые особенности, появляется новый потенциал и у тех уровней, которые уже были сформированы ранее и которые выступают по отношению к нему как нижележащие» [Карпов, 2023, с. 184]. В таком описании эволюции и функционирования психического как системы можно найти большое сходство с содержанием концепции аутопоэзиса [Maturana, 1980]. Другими словами, ученые, работающие в разных дисциплинарных рамках, в их независимых исследованиях раскрывают сходные аспекты функционирования сложной системы.

Далее автор выделяет и характеризует избранную стратегию «исследовательской процедуры, обозначаемой понятием “алгоритма системного исследования”», включающей в себя «ряд основных гносеологических планов (этапов): метасистемный, структурный, функциональный, генетический и интегративный» [Карпов, 2023, с. 189], особенности используемого и одновременно разрабатываемого метасистемного подхода, в частности, заключающемся в так

называемом «принципе поглощения» [Карпов, 2023, с. 203], ключевые позиции авторского видения явлений: «движение – это ... своеобразная “отправная точка” для всех эволюционно-психических преобразований в филогенетической эволюции психики, возникновения жизни на Земле и зарождения психики у представителей живой материи ... движение это одновременно и механизм, и условие, согласно которому реализуются формы поведения живых организмов, вследствие чего становится возможной констатация психического как особой части жизнедеятельности всего конгломерата живых организмов» [Карпов, 2023, с. 245], «становится вполне возможным формулировка предварительного вывода о придании фитопсихизму определенных, относительно завершенных концептуальных основ» [Карпов, 2023, с. 323].

Много изменили в нашем понимании системности труды «синергетиков» [Арнольд, 2004; Капица, 2003; Николис, 2003; Пригожин, 2004; др.]. Можно было бы называть и другие красивые по форме и глубокие по содержанию разработки проблемы системы и системных подходов. Но поскольку главное в нашем анализе – вопросы принципов отечественной психологии, ограничимся кратким обзором лишь некоторых работ, реализующих системный подход. В отношении признания принципа *системности* как нового понимания и описания фрагментов действительности как бескрайне сложных объектов можно сказать так: если изучаемое явление не воспринимается и не понимается исследователем как его прикосновение к тайне мира, вызывающее удивление как нечто, не разгаданное до конца, едва ли такой подход можно считать системным.

Завершая наш анализ некоторых аспектов разработки вопроса системных подходов и принципа системности, заметим, что в отношении систем и системности в области психологии труда и организационной психологии, вероятно, имеет смысл говорить тогда, когда результаты НИР и НПР как наши конечные задачи могут непосредственно или опосредованно транслироваться в социальные технологии. Другими словами, если уже на стадии НИР ученый видит реальные социальные контексты и предполагает возможные варианты интеграции психического с фрагментами социального окружения, с фрагментами физического мира, мира физиологических факторов, когда он видит возможности, условия и механизмы согласования с ними инди-

видуальности человека как субъекта, вернее, согласования и интеграции воздействий окружающего мира и взаимодействий человека с ним, тогда и только тогда можно считать, что видение психологом своего предмета исследования и окружающего мира действительно системное (Напомним, что в значительной части НИР, представляемых как научные квалификационные работы, в разделе «практическая значимость» чаще отмечается: «результаты проведенного научного исследования могут использоваться в чтении учебных курсов», всего лишь ...).

Итак, в отношении одних принципов возможно уже на основании критического анализа предлагать какие-то варианты новых версий их содержания и названия, в отношении других – это едва ли возможно, в отношении третьих, скорее, требуется обстоятельная методологическая разработка. Можно добавить, что базовые принципы отечественной психологии должны быть согласованы между собой и формулироваться в свете третьего типа рациональности; что за их общую основу, вероятно, лучше брать одну из наиболее разносторонне разработанных в психологии и в естественных науках проблематику, порождающую множество разных научных подходов, имеющую высокий универсальный научный статус, ключевые разработки которой могут получать «право» выступать в роли постулата – принцип системности.

Вероятно, в новом формулировании базовых принципов психологии нужно в каждом из них органично интегрировать основные «моменты» взаимосвязи всех явлений, в философии именуемых как *объекты (вещи) – отношения – свойства*. В новом формулировании принципы психологии должны не только лишь отражать проекции общенаучных постулатов на отдельные проявления психического, а способствовать выявлению сущности психического, способствовать надежно установлению его концептуальных инвариантов, позволяющих интегрировать разнообразный эмпирический материал в общую фактуальную базу дисциплины, а последние – согласовывать со средой функционирования и эволюции психического. В новом формулировании базовые принципы психологии должны способствовать изучению психического как целого, а не как отдельных и разрозненных его проявлений, вернее, способствовать их конструктивной сборке в целое, в целостную картину, объясняющую разные аспекты проявления каждого изучаемого нами феномена. Принципы психологии должны изначально ори-

ентировать психологов на изучение психического как не одномерного (представляемого в форме корреляционных плеяд и т. п.), а многогранного, многовариантивного динамично изменяющегося феномена.

Признавая важные методологические функции принципов, необходимость периодической методологической рефлексии их состава и содержания, признаем и сохраняющиеся ограничения. Завершая рассуждения о функциях, содержании и составе принципов отечественной психологии, автор приходит к выводу, что здесь, вероятно, властвует правило неполноты теоремы К. Гёделя – всякая формальная система принципиально не полна. Другими словами, завершенную полноту системы дисциплинарных принципов не может обеспечить их ограниченный состав, тогда как неограниченное число принципов ведет к абсурду; всегда что-то остается в неформализованном остатке, не выделяемом как компонент данной формализованной системы. Именно поэтому каждый крупный исследователь по-особому достраивает свой научный инструментарий, авторский подход, и чем дальше он продвигается, тем больше особенного в его научных операндах.

Заключение

Принимая несколько ключевых тезисов как несомненно конструктивные исходные положения: «Методология должна быть методологией “снизу”. ... методологические положения должны идти ... от проведения психологических исследований, от опыта и обобщений самой психологической науки» [Мазилев, 2017, с. 10]; «выход за пределы изучаемой системы при ее объяснении не только неизбежен, но и необходим в любой науке, являясь основой углубления объяснений» [Юревич, 2006, с. 102], автор на примере одной из областей психологии (психологии труда и организационной психологии) предпринял критический анализ основных принципов отечественной психологии. Рассматривая их как важные «первоосновы» в организации и проведении полевых исследований, автор находит как их ценные руководящие основания, так и их ограничения; как их универсальный характер, позволяющий соотносить результаты независимых исследований психического с канонами научности в их современном понимании (вернее, в их понимании до середины XX в.), так и очевидную ограниченность обсуждаемых нами принципов, недостаточную представленность

в них особенностей психического. Признаем наличие в принципах отечественной психологии «двух сторон медали»: с одной стороны, они регулируют направление поиска и выделяют критерии научности, с другой – ограничивают «горизонт видения» научных проблем. Прилежное следование принципам, сформулированным в нашей дисциплине более полвека назад, уже изначально может ограничивать исследователя, побуждать его к упрощенному видению объекта и выделяемого им предмета исследования, провоцировать и ориентировать на получение самоочевидных результатов.

Обращая внимание на особые условия проведения *полевых исследований как научно-исследовательскую и научно-практическую работу психолога в пространстве организаций, требующей привлечения ее сотрудников в их рабочее и/или личное время, их привлечения как представителей своих социальных групп для решения задач, для них не актуальных и/или мало-значимых*, автор находит, что «это те ситуации в науке, когда первенство должно принадлежать “методологии снизу”» [Мазилов, 2020, с. 15], понятно, активно поддерживаемой «методологией сверху» – деятельностью профессиональных методологов. Методология «снизу» может и должна быть преимущественно инкрементальной, когда полевые исследователи пошагово выделяют и описывают все встречаемые ими проблемные «узлы», содержательные и методологические; радикальные перестройки основ дисциплинарного знания могут и должны свершать философы-методологи. Автор согласен, что «научная психология как фундаментальная дисциплина еще только формируется ... Осознание уникальности предмета и поиски своего пути – магистральная линия размышлений и разработок современной методологии психологической науки» [Мазилов, 2017, с. 10].

Библиографический список

1. Арнольд В. П. Теория катастроф. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 128 с.
2. Барабанщиков В. А. Принцип системности в психологической науке // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 1. / отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. Москва : Институт психологии РАН, 2012. С. 17–26.
3. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. Москва : Наука, 1989. 261 с.
4. Грант В. Эволюция организмов. Москва : Мир, 1980. 408 с.
5. Капица С. П. Синергетика и прогнозы будущего / С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 288 с.
6. Карпов А. А. К началам психики. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2023. 423 с.
7. Карпов А. В. Психология деятельности. В 5 т. Т. 1: Метасистемный подход. Москва : РАО, 2015. 546 с.
8. Карпов А. В. Виртуальные качества в генезисе субъективного времени // Ярославский психологический вестник. 2024. № 1 (58). С. 5–17.
9. Карпинская Р. С. Философия природы: коэволюционная стратегия / Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, А. П. Огурцов. Москва : Интерпракс, 1995. 351 с.
10. Ломов Б. Ф. Проблемы и стратегия психологического исследования. Москва : Наука, 1999. 284 с.
11. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. Санкт-Петербург : Наука, 2007. 642 с.
12. Мазилов В. А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2017. 419 с.
13. Мазилов В. А. Предмет психологии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. 175 с.
14. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический тип рациональности. Москва : Азбука, 2010. 288 с.
15. Николис Г. Познание сложного. Введение / Г. Николис, И. Пригожин. Москва : Едиториал УРСС, 2003. 344 с.
16. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. Москва : Едиториал УРСС, 2004. 288 с.
17. Степин В. С. Теоретическое знание. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
18. Толочек В. А. Континуум «здатки-способности-профессионально важные качества-компетенции»: открытые вопросы // Психологический журнал. 2020. № 41 (4). С. 32–45.
19. Толочек В. А. Методы и методология полевых исследований: открытые вопросы. Ч. 2 // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 3 (120). С. 72–86. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86
20. Толочек В. А. Возможные измерения феномена «способности»: открытые вопросы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2024а. Т. 21, № 1 С. 144–166. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-144-166.
21. Толочек В. А. Технологии профессионального отбора. 3-е изд. доп. Москва : Юрайт, 2024б. 253 с.
22. Толочек В. А. Принципы отечественной психологии: pro et contra. Ч. 1. // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1. С. 113–128.
23. Шадриков В. Д. Психология деятельности и способности человека. Москва : Логос, 1982. 320 с.
24. Юревич А. В. Объяснение в психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27, № 1. С. 97–106.
25. Maturana H., & Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Boston, MA: Reidel. 1980. 180 p.

Reference list

1. Arnol'd V. P. Teorija katastrof = Catastrophe theory. Moskva : Editorial URSS, 2004. 128 s.
2. Barabanshnikov V. A. Princip sistemnosti v psihologicheskoj nauke = The principle of consistency in psychological science // Razvitie psihologii v sisteme kompleksnogo chelovekoznaniya. Ch. 1. / otv. red. A. L. Zhuravlev, V. A. Kol'cova. Moskva : Institut psihologii RAN, 2012. S. 17–26.
3. Vernadskij V. I. Biosfera i noosfera = Biosphere and noosphere. Moskva : Nauka, 1989. 261 s.
4. Grant V. Jevoljucija organizmov = Evolution of organisms. Moskva : Mir, 1980. 408 s.
5. Kapica S. P. Sinergetika i prognozy budushhego = Synergy and future forecasts / S. P. Kapica, S. P. Kurdjumov, G. G. Malineckij. Moskva : Editorial URSS, 2003. 288 s.
6. Karpov A. A. K nachalam psihiki = To the beginnings of the psyche. Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 2023. 423 s.
7. Karpov A. V. Psihologija dejatel'nosti. V 5 t. T. 1: Metasistemnyj podhod = Psychology of activity. In 5 vol. 1: Metasystem approach Moskva : RAO, 2015. 546 s.
8. Karpov A. V. Virtual'nye kachestva v genezise sub'ektivnogo vremeni = Virtual qualities in the genesis of subjective time // Jaroslavskij psihologicheskij vestnik. 2024. № 1 (58). S. 5–17.
9. Karpinskaja R. S. Filosofija prirody: kojevoljucionnaja strategija = Philosophy of nature: co-evolutionary strategy / R. S. Karpinskaja, I. K. Liseev, A. P. Ogurcov. Moskva : Interpraks, 1995. 351 s.
10. Lomov B. F. Problemy i strategija psihologicheskogo issledovaniya = Problems and strategy of psychological research. Moskva : Nauka, 1999. 284 s.
11. Luman N. Social'nye sistemy. Oчерk obshhej teorii = Social systems. Outline of general theory. Sankt-Peterburg : Nauka, 2007. 642 s.
12. Mazilov V. A. Metodologija psihologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost' = Methodology of psychological science: history and modernity. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2017. 419 c.
13. Mazilov V. A. Predmet psihologii = Subject of psychology. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2020. 175 s.
14. Mamardashvili M. K. Klassicheskij i neklasicheskij tip racional'nosti = Classical and non-classical type of rationality. Moskva : Azbuka, 2010. 288 s.
15. Nikolis G. Poznanie slozhnogo. Vvedenie = Knowledge is complex. Introduction / G. Nikolis, I. Prigozhin. Moskva : Editorial URSS, 2003. 344 s.
16. Prigozhin I. Ot sushhestvujushhego k vznikareshemu: Vremya i slozhnost' v fizicheskikh naukah = From existing to emerging: Time and complexity in the physical sciences. Moskva : Editorial URSS, 2004. 288 s.
17. Stepin V. S. Teoreticheskoe znanie = Theoretical knowledge. Moskva : Progress-Tradiciya, 2000. 744 s.
18. Tolochek V. A. Kontinuum «zadatki-sposobnosti-professional'no vazhnye kachestva-kompetencii»: otkrytye voprosy = The continuum of «inclinations-abilities-professionally important qualities-competencies»: open questions // Psihologicheskij zhurnal. 2020. № 41 (4). S. 32–45.
19. Tolochek V. A. Metody i metodologija polevyh issledovanij: otkrytye voprosy. Ch. 2. = Field Research Methods and Methodology: Open Questions. Part 2 // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2021. № 3 (120). S. 72–86. DOI 10.20323/1813-145X-2021-3-120-72-86
20. Tolochek V. A. Vozmozhnye izmereniya fenomena «sposobnosti»: otkrytye voprosy = Possible dimensions of the «ability» phenomenon: open questions // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2024a. T. 21, № 1 S. 144–166. DOI: 10.17323/1813-8918-2024-1-144-166.
21. Tolochek V. A. Tehnologii professional'nogo otbora = Professional selection technologies. 3-e izd. dop. Moskva : Jurajt, 2024b. 253 s.
22. Tolochek V. A. Principy otechestvennoj psihologii: pro et contra = Principles of domestic psychology: pro et contra. Ch. 1. // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2025. № 1. S. 113–128.
23. Shadrikov V. D. Psihologija dejatel'nosti i sposobnosti cheloveka = Psychology of human activity and abilities. Moskva : Logos, 1982. 320 s.
24. Jurevich A. V. Objasnenie v psihologii = Explanation in psychology // Psihologicheskij zhurnal. 2006. T. 27, № 1. S. 97–106.
25. Maturana H., & Varela F. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Boston, MA: Reidel. 1980. 180 p.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 11.08.2025; принята к публикации 11.09.2025.

The article was submitted 21.07.2025; approved after reviewing 11.08.2025; accepted for publication 11.09.2025